

Последние дни Коммиссаржевской.

(По телеграфу и телефону).

Еще 8 февраля течение болезни Вэры Федоровны Коммиссаржевской шло совершенно нормально, жизнь ее была вне опасности, но в ночь на 9 февраля с ошеломляющей быстротой наступило ухудшение. Назрившая оспенная сыпь обнаружила под собою такое количество гноя, что, сходя с тела, срывала его покровы. Постепенно, вследствие гангренозного заражения кожи, образовалось омертвевшие ткани туловища, рук и ног. Страдания были настолько мучительны, что В. О. еще за несколько часов до смерти лишилась сознания и умерла, не приходя в себя.

Местные врачи определяют оспу В. О., как неизбежно-роковую по исходу и одну из самых редких по формам.

11 февраля предполагался вынос, 12-го—отпевание.

Родственники покойной В. О. сообщают следующие подробности о последних днях ее жизни. 26 января она играла в Самарканде, а в ночь на 27—заболела оспой.

Болезнь протекала вначале совершенно нормально и проявилась в довольно слабой форме. В последние три дня из Ташкента получались успокоительные телеграммы, в которых сообщалось, что у больной установилась температура 36,4.

Первая тревожная телеграмма была получена в Петербурге утром 9 февраля. В ней сообщалось о повышении температуры и о мучительном состоянии больной. Вечером в тот же день была получена другая телеграмма, извещавшая об осложнении, развившемся в нефрит с омертвением кожи. Консилиум признал положение больной очень опасным.

10 февраля, утром, родственниками В. О. была получена телеграмма, в которой сообщалось, что положение больной безнадежно и что она испытывает страшные мучения. Осложнение произошло от сильного напора гноя, не находившего выхода. Вслед за этой телеграммой получилась новая, извещавшая о том, что последняя забота В. О. была об ее трупке и о принятии мэр'а к лечению больных товарищей.

В 12 ч. дня была получена скорбная телеграмма, извещавшая, что В. О. в ночь с 9 на 10 февраля, не приходя с сознанием, скончалась от нефрита и заражения крови.

В. О. предполагала вернуться в Петербург из театрального тура в июль. Недавно она прислала в Петербург своего уполномоченного для подготовительных работ по устройству проектировавшейся ею театральной школы. Последнее письмо от нея было получено из Самарканды.

В. О. заразилась оспой в Самарканде во время прогулки с другими артистами по самаркандскому базару. После первых признаков заболевания все 6 заболевших привели себя к оспе, но было уже поздно. Вместе с В. О. заболели артистки: Любавина, Подгорная, Нарбекова, Заку-

шняк и парикмахер труппы Шипмарев.

По словам „Пет. Лист“, ровно неделю тому назад в Ташкенте, в доме полковника В., в честь В. О. был устроен обед, на котором присутствовали небольшой кружок ташкентской интеллигенции и некоторые из артистов труппы.

В. О. пришла веселая и оживленная, но жаловалась на головную боль. Обедать, весь стол был усыпан живыми фиалками. Перед куввертом В. О. лежал букет из таких-же фиалок. Обед подходил к концу, но никому не хотелось расходиться, а между тем, В. О. нужно было уже ехать в театр и играть, несмотря на усилившуюся головную боль.

— Представьте, господа,—вдруг вспомнила В. О.—у меня захворал парикмахер и один из артистов, и доктора, такие странные, сейчас придумают какие-то ужасы: будто у заболевших все признаки оспы!..

Разъехались. Некоторые побжали в театр, где шла пьеса Зудермана: „Вой бабочек“, в которой так хороша В. О.; и кто-бы мог подумать, что это—ее последний спектакль с ее любимой ролью, и что „Вой бабочек“ будет лебединой пьесью высокоталантливой артистки.

По окончании спектакля В. О. поехала к себе в гостиницу, где ей сообщили, что заболевшие отравили в больницу и что у них выяснилось все признаки натуральной оспы. На другой день В. О. Коммиссаржевская заболела. У ней открылся сильнейший жар—выше 40°. Были приглашены все лучшие доктора Ташкента, и консилиум вынес приговор: заболевание оспой.

Вчера по В. О. Коммиссаржевской были совершены две панихиды. Первая в Новом театре, где покойная играла три сезона подряд. Посреди фойе стоял на пьедестале большой портрет В. О., увитый черным бархатом и цветами.

В зале собралось много учащейся молодежи, артистов местного театра и близких покойной людей. Совершенно отсутствовали артисты и артистки других петербургских театров. Не явился никто и из Императорского театрального общества, несмотря на то, что покойная состояла почетным его членом.

В 3 часа дня в Казанском соборе была отслужена вторая панихида. Собралось около 1 1/2 тыс. человек; там были члены Госуд. Думы, артисты, офицеры, журналисты и ни одного артиста петербургских театров.

Вчера родственники покойной целый день вели переговоры о разрешении перевести тело в Петербург. Препятствия встречаются со стороны главного врачебного инспектора, который опасается занесения в Петербург оспы. Во всяком случае, надежда на получение разрешения еще не потеряна.

В память покойной предположено устройство цыганского ряда вечеров, на которых будет охарактеризована личность Вэры Федоровны, как артистки и человека. Будет выпущен также художественный альманах, куда войдут статьи лучших писателей о покойной, а также будут изображены в красках все наиболее выдающиеся сцены из репертуара В. О.

У ГРОБА В. О.

1910 г.

КОММИССАРЖЕВСКОЙ.

СВЯЖАЯ МОГИЛА.

Посильный венок на гроб В. О. Коммиссаржевской.

Как бессмысленно жестоко издается над нами судьба! Как неразборчива костлявая смерть!

Мучительно больно сжимается сердце у каждого любящего русскую сцену, когда перед глазами рисуется гроб, а в нем останки той, которая надблена была могучим даром заставлять тысячи людей страдать так, как она страдала, или же безмерно радоваться так, как она радовалась.

Мне довелось видеть в последний раз Вэру Федоровну в октябрь прошлого года, во время ее триумфальных гастролей по югу России. Конечно, успех талантливой артистки был громаден, и публика валом валела в поместительный театр, где Вэра Федоровна играла два недели.

И публика, глядя на игру Вэры Федоровны, последовательно то в роли сестры Беатрисы, то в роли трактирщицы в веселой пьесе Гальдони, изумлялась колоссальному диапазону таланта Вэры Федоровны. Оvation, вызовом, истинно бешеным восторгом не было конца. Всякая артистка могла быть вполне удовлетворенной сознанием, что она дала высшее удовлетворение пришедшим видеть и слушать ее, а между тем, в ее больших, лучистых, прекрасных глазах, когда она возвращалась со сцены к себе в уборную, ясно выражалась мучительная тоска. Точно эти красивые глаза хотели сказать:

— Не то, не то... Совершенно не то, что я играю, я могу вам дать... Нужно другое, совершенно другое...

Мягущийся, громадный талант Вэры Федоровны, широчайшего размаха и одинаково мощный на обоих своих полюсах, кипит, бурлит, горит священным огнем и все ищет сторону, куда-бы ему можно было свободно разлиться широкой рекой.

И глаза Вэры Федоровны—это истинное зеркало ее прекрасной души—каждое мгновение говорили о том, что переживают большая артистка и истинный художник.

В это время у Вэры Федоровны зародилась принявшая два месяца спустя реальную форму идея оставить сцену.

Туманными, расплывчатыми зигзагами выступала в воображении Вэры Федоровны эта идея. Волнуясь от захватившей ее мысли, недоговаривая, опережая мыслью то, что она говорила. Вэра Федоровна в небольшом кругу артистов своей труппы и нескольких лиц, преданных театру, говорила:

— Нужно бросить сцену... Но навсегда, конечно, а на время, на неопределенное время... И открыть школу... Большую драматическую школу, куда принимать только одаренных людей... И заниматься с ними... Заниматься долго, упорно, непременно самой до момента окончания школы... И затем с такой труппой выступить... Такая труппа, по моему мнению, должна быть идеальной... Вдвое все будут, как один... Это будет дивный, стройный аккорд, в котором никогда не прорвется рывок диссонанса... Это будет единое тело, единая душа... Все будут одинаково чувствовать, одинаково переживать... Я вам не могу сказать подробностей, я их еще сама не знаю, но ведь в принципе моя мысль верна... Ведь—правда?

Я, быть-может, не передаю точно подлинный выражения Вэры Федоровны—это был момент, выхваченный из общего разговора, момент, скоро забытый и воскреснувший вновь лишь при чтении газетных известий о том, что Вэра Федоровна заявила своей труппе о прекращении ею дальнейших гастролей, о роспуске труппы, об уходе со сцены и открытии школы драматического искусства, но мысль, выраженная тогда Вэрой Федоровной, переданы мною совершенно точно.

Затем разговор принял другой оборот, переключаясь на другие предметы и незаметно перешел к тяжелому вопросу о смерти. Одни говорили, что хотели-бы умереть сразу,

В. О. Коммиссаржевская в последний сыгранный ею перед смертью роли Розы („Вой бабочек“).

без болезни и страданий, другие страшались этого неизвестного рокового момента, третьи относились к смерти в неуместно шулимом тоне.

Вэра Федоровна встала со своего места, подошла к окну и, глядя на разстилавшееся далеко внизу Черное море, когда наступило минутное молчание, сказала:

— Я хотела-бы умереть красиво! Увы!—далекий, захолустный, пыльный Ташкент, натуральная оспа, обезображенное гнойными язвами прекрасное лицо, заражение крови...

Даже этому последнему скромному желанию Вэры Федоровны не суждено было осуществиться.

Умер великий талант! Умерла большая артистка!

Вечная и признательная ей память!
КИНЬ.

Последний венок.

(Памяти В. О. Коммиссаржевской).
Умерла... Глаза на век смежила...
Где талант, где этот дивный дар?..
О, какая ранняя могила,
Роковой, безжалостный удар!
Умереть в расцвете сил и славы,
Умереть покорно, без борьбы...
Нить, судьбы рвения не правы,—
Милосердия мало у судьбы!..
Показать чтоб дивное искусство,
Собралась она в далекий путь,
Вся полна огня, души и чувства,
А потом—мечтала отдохнуть.
Да, она об отдыхе мечтала,
Ибо много сцен отдала...
А над ней незримо смерть витала
Съ дуновением черного крыла.
И пришла с покровом вичной ночи,
И взмахнула острою косою,
И потухли огненные очи,
Голос смолк, сверкающий красой.
Востыю мы поражены унылой,
Шлем упреки грозной мы судьбы:
Выйди крест над ранней могилой,—
Это отдых, милая, тебе!
Сиротеть нива русской жизни,
Смерть уносить жертвы каждый час,
Нить еще одной звезды в отчизне
И талантом меньше среди нас.
Жизнь порвалась, пьеса не допета...
Как удар бессмысленно жестокий!
О, кому нужна могила эта?
Нужный сорванец для чего цветков?..
Вдвое и так жизнь тянется уныло,
Наша жизнь и так—сплошной кошмар...
Для чего-же ранняя могила
Отняла от нас прекрасный дар?
Отдыхай, замолкнувшая жрица,
Мы-ж, рыдая о твоей судьбе,—
О тебе мы можем лишь молиться
Вспоминать с тоскою о тебе!..
Р. МЕЧЬ.